

История искусства и археология в образовательном пространстве революционной России:

два неизвестных проекта 1917 г.

В. Г. Ананьев, М. Д. Бухарин

Статья поступила
в редакцию
в июле 2018 г.

Ананьев Виталий Геннадьевич

кандидат исторических наук, старший преподаватель Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5. E-mail: v.ananев@spbu.ru

Бухарин Михаил Дмитриевич

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Адрес: 119334, Москва, Ленинский просп., 32А. E-mail: michabucha@gmail.com

Аннотация. Анализируются два проекта, составленные весной 1917 г. и связанные с реформой высшего гуманитарного образования в России. Они были посвящены организации преподавания всеобщей истории искусств и археологии в Петроградском университете и технических вузах. В представленных документах нашел отражение длительный процесс размежевания целого ряда дисциплин (классической филологии, истории искусства, археологии) и формирования собственного исследовательского и преподавательского поля каждой из них. Публикуются письмо выдающегося отечественного антиковеда С. А. Жебелева ученому секретарю Института истории искусств В. Н. Ракинту и запись

ка авторитетного химика, знатока истории Санкт-Петербурга В. Я. Курбатова «О преподавании истории искусства в высших технических учебных заведениях» из фондов ЦГАЛИ СПб. Эти документы расширяют наши представления об истории реформирования высшей школы России в 1917–1922 гг., об окончательном размежевании истории искусств и археологии не только как академических дисциплин, но и как образовательных направлений. Письмо Жебелева и записка Курбатова характеризуют атмосферу в российской педагогической среде 1917–1922 гг., когда были возможны масштабные и эффективные реформы высшей школы. Некоторые из положений, высказанных в ходе анализируемой дискуссии и реализованных при формировании факультета общественных наук Петроградского университета, актуальны и в наши дни: акцент на практическое применение полученных знаний, полидисциплинарный подход в образовательном процессе.

Ключевые слова: высшее образование, преподавание, археология, история искусств, учебные планы, образовательные дискуссии, реформы высшего образования.

DOI: 10.17323/1814-9545-2018-3-268-286

Работа
выполнена
поддержке
агента РФФ
18-00367.

Заслуги российских ученых в исследовании античного, византийского и древнерусского искусства хорошо известны и не раз становились предметом специального рассмотрения в науке. Иначе обстоит дело с изучением истории преподавания данных дисциплин, с анализом применявшихся образовательных стратегий. Данный вопрос может представлять существенный интерес не только в контексте разделения проблемных полей истории искусства и археологии как научных дисциплин, но и с точки зрения истории отечественной высшей школы. Значительный объем данных по обсуждаемому вопросу содержат источники из архивных собраний. Цель данной публикации — привлечь внимание к реформе образовательного процесса в области истории искусства и археологии и ввести в научный оборот новые исторические источники.

«Изящные искусства» в России преподавались уже в начале XIX в. — в Царскосельском лицее как отдельная дисциплина и как часть словесности. В 1830 г. систематический курс теории изящных искусств был введен в петербургской Академии художеств. В 1859 г. был принят ее новый устав, и курс теории был заменен курсом истории искусств с элементами археологии и эстетики. С 1872 г. в академии начали преподавать историю русского искусства. С 1844 г. церковная археология преподавалась в Московской духовной академии, однако на научный уровень этот курс вышел только после принятия нового устава этого учебного заведения в 1869 г. [Копировский, 2017. С. 179]. Параллельно шел процесс формирования базы наглядных пособий для преподавания истории искусства и составлявших собрания учебных кабинетов и музеев. Создание Академии художеств стимулировало комплектование коллекции как подлинных произведений искусства, так и копийного материала, имевшего дидактическую ценность в деле освоения мастерства творцов прошлого. Включение в учебные планы духовных академий церковной археологии дало импульс к развитию церковноархеологических музеев.

Специализированные кафедры истории и теории искусств впервые были созданы в российских университетах после введения в действие университетского устава 1863 г. Официально курс истории искусств был открыт в Московском университете в 1869 г. (см. подробнее со списком литературы: [Копировский, 2017. С. 175–176]), однако фактически усилиями К. К. Герца (1820–1883) история искусств преподавалась там уже с 1857 г. [Жебелев, 2007. С. 148]. В 1872 г. соответствующая кафедра появилась в Новороссийском университете, ее занял Н. П. Кондаков (1844–1925). В Санкт-Петербурге такая кафедра была открыта 6 марта 1874 г., лекции на ней читал профессор А. В. Прахов (1846–1916). При университетах для обеспечения наглядности и предметности учебного процесса также начали появляться собственные музеи древностей и изящных искусств, зачастую приобрета-

шие универсальное значение и становившиеся центрами притяжения культурных сил всего региона. Наиболее показательный в этом отношении пример — Московский музей изящных искусств, созданный усилиями И. В. Цветаева (1847–1913) и уже задолго до своего реального открытия преодолевший границы сугубо ведомственного учреждения, призванного обслуживать лишь потребности студентов Московского университета [Бурлыкина, 2000]. Сама инициатива создания музея такого рода в Москве восходила еще к николаевской эпохе, когда в 1831 г. в журнале «Телескоп» был опубликован проект «эстетического музея» при Московском университете, подписанный именем княгини Зинаиды Волконской, но, по аргументированному мнению новейшего исследователя, составленный, вероятно, под влиянием идей И. Винкельмана близким Волконской С. П. Шевыревым [Лаппо-Данилевский, 2002. С. 19–20]. Во многом благодаря просветительской роли, которую играли в русском обществе университетские художественные музеи, и сама история искусства приобретала все бóльшую популярность. Другой причиной этой популярности, впрочем, мог быть и характерный для рубежа веков историзм, стимулировавший интерес не только к сегодняшнему дню, но и к прошлому художественной жизни.

Как бы то ни было, в 1911 г. на петербургском съезде зодчих было сформулировано требование ввести всеобщую историю искусств в программу уже и общеобразовательных школ, правда, в качестве факультативного предмета [Бейер, 1915]. Так формирующаяся наука стала рассматриваться как интегральная часть не только высшего, но и среднего образования, что определялось широким распространением на рубеже веков идей эстетического воспитания, восходивших к установкам английских и немецких специалистов.

Именно с появлением специализированных кафедр более чем полвека спустя связывал «начало систематической и планомерной разработки археологической и художественно-исторической науки в России» один из непосредственных участников этого процесса, выдающийся отечественный антиковед — археолог, филолог и искусствовед Сергей Александрович Жебелев (1867–1941) [2007. С. 145].

Помимо многолетней преподавательской деятельности в Петербургском/Петроградском университете, где он, как правило, вел курсы, связанные с изучением письменных источников по истории античности, С. А. Жебелев на протяжении 13 лет был преподавателем Центрального училища технического рисования барона Штиглица, где читал курсы, посвященные истории быта, как древнего, так и средневекового, ренессансного и русского, а также 11 лет состоял профессором Академии художеств, в которой преподавал историю искусства [Жебелев, 1923. С. 8]. Такой широкий круг интересов не мог не сказаться на ис-

следовательском методе самого ученого. Как отмечала уже после его смерти, в 1942 г., младшая коллега Жебелева К. В. Тревер, характерным для него было «использование и языковых, и письменных, и вещественных данных»¹. Первый из публикуемых ниже документов, вероятно, является единственным обращением Жебелева к проблеме преподавания истории искусства и потому заслуживает самого пристального внимания. Он посвящен организации данного начинания в системе классического университета, ориентированной на фундаментальное образование универсального характера.

Иной характер носит второй документ — записка Владимира Яковлевича Курбатова (1878–1957), авторитетного химика, заявившего о себе в начале XX в. как об одном из лучших знатоков истории Петербурга [Векслер, 2002]. Курбатов, не оставляя полностью занятий химией, активно включился в дело охраны памятников истории и культуры, преподавал в целом ряде специализированных учебных заведений (в том числе читал историю искусств в Высшем институте фотографии и фототехники), рассматривая преподавание дисциплин, связанных с историей искусства, в качестве одного из направлений деятельности по охране культурного наследия. Что и в каком объеме включать в программу специализированного учебного заведения, курсы которого на первый взгляд весьма далеки от проблемы эволюции художественных форм, оказывалось в этом контексте принципиально важным, тем более что отечественного опыта, на который можно было бы опереться, практически не было.

Два документа, публикуемые ниже, стали одним из результатов совещания по вопросу создания особого министерства искусств, которое состоялось 7 марта 1917 г. в петроградском Институте истории искусств (Зубовском институте). Оно было одним из многочисленных проявлений того душевного подъема, который охватил часть российского общества в первые дни после Февральской революции [Ананьев, 2016].

Собравшиеся в здании института представители художественной и научной интеллигенции высказались за создание министерства искусств и, признав, что «представлять резолюцию Правительству без мотивировки и обстоятельной докладной записки нецелесообразно», избрали особую комиссию «для мотивировки резолюции и разработки вопросов, относящихся к организации самостоятельного Ведомства Изящных Искусств»².

На первом же заседании этой комиссии 10 марта 1917 г. для подготовки проекта временной организации министерства было решено изучить основные направления его потенциаль-

¹ Архив Российской академии наук. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 25.

² Центральный государственный архив литературы и искусств Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб). Ф. 82. Оп. 1. Д. 7. Л. 36 об.

ной работы и проработать вопросы, которые требуют в них разрешения. Решено было вести работу по семи подкомиссиям, обозначенным в архивных материалах следующим образом: архитектура — школы; живопись и ваяние — школы; художественная промышленность и кустарное дело — школы; театр — школы; музыка — школы; сохранение памятников и музейное дело — школы; художественно-историческое образование³.

Наиболее полно сохранились материалы музейной подкомиссии, практически подготовленные к печати и представляющие собой первый в России коллективный исследовательский проект, посвященный проблемам музейного дела и охраны памятников. Отдельные упоминания есть о работе архитектурной⁴ и художественно-промышленной подкомиссий⁵. Ниже впервые публикуются материалы подкомиссии по художественно-историческому образованию, которая могла бы представлять интерес для истории науки и образования уже хотя бы по составу лиц, принимавших участие в ее деятельности.

Первоначально в ее состав были избраны Д. В. Айналов, В. А. Головань, В. П. Зубов, Н. П. Кондаков, В. Н. Ракинт и Д. А. Шмидт⁶. Пользуясь правом кооптации новых членов, члены комиссии очень скоро подключили к своей работе коллег, и уже 21 марта в состав комиссии вошли Ф. Ф. Зелинский (избран председателем, однако в протоколе заседания от 11 мая председателем обозначен В. А. Головань⁷), С. А. Желбелев, А. А. Брок, О. Ф. Вальдгауер, В. В. Воинов, В. Т. Георгиевский, И. И. Жарновский, С. К. Исаков, А. А. Миллер, Н. М. Могиланский, Н. Л. Окунев, К. К. Романов, Н. П. Сычев, А. М. Тальгрэн и др.⁸ Не все, но некоторые из них, безусловно, принимали участие в работе интересующей нас подкомиссии. Многие были связаны с Институтом истории искусств, читали в нем лекции и вели занятия по истории искусства и археологии, некоторые совмещали эту деятельность с аналогичной службой в Санкт-Петербургском/Петроградском университете или были хранителями в крупнейших музеях столицы.

Так, например, «архистратиг русской археологии» Н. П. Кондаков, который еще 2 апреля 1912 г. получил почетный билет Института истории искусств⁹, выступал на собрании 7 марта 1917 г. и вошел в первый состав подкомиссии по художественно-историческому образованию. В его архивном фонде отложились

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 7. Л. 105–106.

⁴ Там же. Л. 107 об.

⁵ Там же. Л. 37–64.

⁶ Там же. Л. 106.

⁷ Там же. Д. 8. Л. 16.

⁸ Там же. Д. 7. Л. 107.

⁹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее — СПбФ АРАН). Ф. 115. Оп. 3. Д. 137.

приглашения на заседания подкомиссии, методично рассылавшиеся ученым секретарем института (и секретарем подкомиссии) В. Н. Ракинтом. Поскольку в делах самого института сохранились протоколы всего лишь двух ее заседаний, эти свидетельства позволяют уточнить основную хронологию событий.

Заседания проходили по вечерам, как правило, в половине девятого, в помещении института на Исаакиевской площади. Сохранились приглашения Кондакову на заседания 5, 14 и 20 апреля, причем первое из них уже обозначено как «очередное», и на нем среди прочего планировалось сформулировать положения доклада А. А. Брока об эстетическом воспитании в школе, вероятно, заявленного на предыдущем заседании¹⁰. Поскольку 15 апреля 1917 г. Кондаков навсегда покинул Петроград [Кызласова, 2018. С. 215–216], можно уверенно утверждать, что активного участия в работе подкомиссии он не принимал. Протокол заседания от 5 апреля сохранился в делах Института истории искусств. В нем заседание обозначено как третье по счету. На заседании присутствовали О. Ф. Вальдгауер, В. А. Головань (председатель), В. П. Зубов, Н. Л. Окунев, В. Н. Ракинт, К. К. Романов, П. Н. Шеффер и Д. А. Шмидт. Тогда же в состав подкомиссии были кооптированы В. В. Бартольд, Н. Я. Марр¹¹ и М. И. Ростовцев¹². О последнем, возглавлявшем работу всей комиссии, следует сказать особо.

Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952) — выдающийся российский и американский историк, археолог, искусствовед, член-корреспондент (1908) и действительный член (1917) Петербургской (с 1917 г. — Российской) академии наук, профессор Мэдисонского (1920–1925) и Йельского (1925–1952) университетов. Он внес исключительный вклад в развитие и преподавание целого ряда направлений истории искусства, в особенности древнеиранского, распространенного в тех или иных проявлениях по всей Евразии, и классического античного. Владение в равной степени всем набором методик исторического исследования, глубокое знание истории искусства, языков, литературы, специальных исторических дисциплин было характерной чертой ведущих историков — специалистов по истории древности и Средних веков того времени. Показательно, что Ростовцев — археолог и специалист по древнему искусству — был назначен товарищем председателя Особого совещания по делам искусств при комиссаре Временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов. В качестве такового он вел активную деятельность, в частности прояснял положение дел с охраной па-

¹⁰ Там же. Л. 7, 8, 9.

¹¹ В его фонде в СПбФ АРАН сохранился протокол одного из заседаний комиссии, отсутствующий в фонде Института истории искусств в ЦГАЛИ СПб. См.: СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 4. Д. 263. Л. 2–4.

¹² ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 8. Л. 61.

мятников, проведением раскопок и организацией музеев за рубежом (см. об этом в письме М. И. Ростовцева А. М. Тальгрену от 29 марта (11 апреля) 1917 г.: [Бонгард-Левин, 1997. С. 503]). Он был одним из самых активных участников работы Института истории искусств на начальном этапе его деятельности и стал одним из первых его почетных членов [Краткий отчет, 2012]. Возможно, именно он, будучи близким другом Жебелева, способствовал его реальному участию в работе подкомиссии.

Восьмое заседание комиссии, датированное 11 мая, в протоколе обозначено как заключительное¹³. Таким образом, работа подкомиссии может быть датирована второй половиной марта — началом мая 1917 г.

В «Кратком отчете о деятельности Института», опубликованном в 1924 г., содержится перечень «докладов, хранящихся до сих пор в архиве Института» и подготовленных в результате работы комиссии. Большинство из них было посвящено музейному делу и охране памятников, однако некоторые были выделены в особую рубрику «Археологическое и художественно-историческое образование» [Краткий отчет, 2012].

Сравнение этого списка с сохранившимися архивными материалами позволяет утверждать, что самую многочисленную категорию докладов, прочитанных на заседаниях данной подкомиссии, составляли сообщения об археологических и историко-художественных институтах — эта тема, безусловно, была для создателей Института истории искусств наиболее интересной и важной. На протяжении многих лет, вплоть до середины 1920-х годов, они не оставляли попыток организовать такие институты-филиалы в других городах России, в частности в Новгороде [Мальцева, Пивоварова, 2005], и даже Европы — в Риме¹⁴. Предпринимались попытки возродить фактически ликвидированный в начале Первой мировой войны Российский археологический институт в Константинополе. Его бывший ученый секретарь Н. Л. Окунев сделал доклад «Об археологическом образовании в России и за границей, и в частности об археологических институтах», в протоколе заседания доклад охарактеризован как выступление «об организации Константинопольского археологического института и проектируемого Кавказского историко-археологического института в Тифлисе»¹⁵. Ряд докладов был посвящен преподаванию истории искусства и археологии в высших учебных заведениях, эти материалы публикуются ниже. Наконец, директор реформатского училища в Петрогра-

¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

¹⁴ См., например, проект такого отделения в Риме, сохранившийся в архивном фонде Б. В. Фармаковского: Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 332.

¹⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 8. Л. 61.

де и один из самых интересных российских методистов начала XX в. А. А. Брок посвятил свой доклад эстетическому воспитанию в начальной и средней школе.

Обсуждая 11 мая 1917 г. записки Жебелева и Вальдгауера «О желательной постановке преподавания истории искусства и археологии в русских университетах», члены подкомиссии постановили разослать всем отсутствующим членам подкомиссии и всем профессорам и приват-доцентам по истории искусства и археологии опросный лист, составленный на основании записок. В него были включены следующие вопросы: «1) Сколько кафедр по истории искусства и археологии признается Вами желательным (сколько профессур и штатных доцентур)? Должны ли все эти кафедры существовать при каждом русском университете? 2) Желательно ли отделять археологию от истории искусства? 3) Желательна ли особая кафедра по русскому искусству? Или предпочтительнее соединение ее с другими? 4) Желательно ли введение в систему университетского художественно-исторического преподавания эстетики? 5) То же о теории искусства? 6) Желательно ли особое художественно-историческое отделение в составе историко-филологического факультета? 7) Желательно ли введение элементарной истории искусства в программу средне-учебных заведений? 8) Желательно ли ознакомление учащихся таковых с памятниками искусства? (Отдельно или в связи с другими предметами?) 9) Какова наиболее целесообразная постановка практических занятий преподавания археологии и истории искусства? 10) Какие нужны вспомогательные средства, пособия и учреждения? 11) Желательны ли для слушателей всех факультетов особые художественно-исторические и археологические курсы? 12) Особые пожелания»¹⁶. Так, вполне в духе существовавших традиций Министерства народного просвещения, рассылавшего обычно соответствующие циркуляры по учебным округам в преддверии любой серьезной нормотворческой инициативы¹⁷, участники обсуждения задумали провести весьма масштабный опрос, призванный выявить основные проблемы преподавания истории искусства и археологии в высшей школе и собрать сведения от непосредственных участников образовательного процесса.

Ценность документов, публикуемых ниже, — письма С. А. Жебелева В. Н. Ракинту и записки В. Я. Курбатова — для истории российского образования и университетской науки состоит в следующем. Жебелев пишет письмо в ответ на просьбу Ракин-та высказаться относительно создания в университетах кафедр

¹⁶ Там же. Л. 16–16 об.

¹⁷ Мы искренне признательны рецензенту «Вопросов образования» за указание на эту связь данной формы сбора сведений с предшествующей традицией.

истории искусств. Реакция одного из ведущих археологов (и искусствоведов в категориях начала XX в.) наглядно демонстрирует процесс окончательного размежевания двух дисциплин — археологии и истории искусства. В середине XIX в. произошло отделение филологии от археологии [Клейн, 2007. С. 131–134]. На рубеже XIX–XX вв. начался процесс размежевания археологии и истории искусства. В этом отношении показательна эволюция взглядов Н. П. Кондакова, бывшего, безусловно, центральной фигурой в преподавании и изучении памятников искусства в России рубежа веков. Как отмечает И. Л. Кызласова, несмотря на определенную непоследовательность в использовании ученым понятийного аппарата, в его взглядах можно проследить явную динамику. Если в работе 1888 г. он еще говорит о единстве археологии и науки об искусстве, то впоследствии начинает утверждать, что «археология сама есть только область знания, черпающая свои приемы из науки истории искусства, которая ставит в основание исследование форм», археология же, по мысли Кондакова, в качестве вспомогательной дисциплины лишь готовит материал для истории искусства [Кызласова, 2018. С. 153]. Такая позиция не была еще общепринятой и в начале XX в., что следует, например, из слов графини П. С. Уваровой, возглавлявшей один из наиболее динамично развивавшихся центров археологической мысли того времени — Московское археологическое общество. Она писала Кондакову в 1910 г.: «Следует ли в России, где до сих пор еще так мало исследований и изданий, отделять археологию от художества, в особенности при изучении древнейших наших храмов?» [Там же. С. 376].

Показательно, что в начале 1920-х годов Жебелев, испытавший сильнейшее влияние идей и личности Кондакова, рассматривает, например, деятельность В. К. Мальмберга по изучению античной скульптуры и Б. В. Фармаковского по исследованию живописи Пальмиры в начале XX в. все еще в русле археологической науки, а Н. П. Кондаков является для него «археологом и историком искусства» [Жебелев, 2007. С. 149–150, 155–156], хотя археологических изысканий в современном смысле слова он практически не проводил¹⁸. Однако далее (статья подписана 1 октября 1921 г.) Жебелев говорит уже об «археологической и художественно-исторической науке» [Жебелев, 2007. С. 169]. Двумя годами ранее, в апреле 1919 г., С. А. Жебелев и Н. Я. Марр — деканы историко-филологического факультета и факультета восточных языков — в записке «О реорганизации гуманитарных факультетов Первого петроградского университета в факультет общественных наук» по-

¹⁸ Показательна постановка вопроса в начале одного из «археологических» трудов Кондакова (Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904): «Отношения палестинской археологии к общей истории искусств». См., однако: [Платонова, 2010. С. 88–95].

местили искусство в отдел историко-филологический [Жебелев, Марр, 1919. С. 2]. Хотя история и история искусств в этом проекте — две самостоятельные дисциплины [Там же. С. 8–9], водораздел между историей искусства и археологией, понимаемой в современном смысле — как поиск, фиксация и анализ предметов материальной культуры, — оставался ситуативен и не вполне отчетлив. В записке констатировалось: «В качестве предмета, сопутствующего и углубляющего изучение истории искусства, должна быть поставлена художественная археология; в рамки ее должны вестись все те памятники искусства и промышленности, которые, по тем или иным причинам, не могут найти себе места в историческом обзоре искусства, но которые, тем не менее, представляют самодовлеющую художественную ценность и научный интерес» [Там же. С. 9].

Разделение — как фактическое, так и категориальное — между искусством и археологией произошло не полностью. Создание специализированных кафедр истории искусства в высшей школе — важнейший шаг в этом направлении, однако крайность (отсутствие таких кафедр) сменяет крайность другая: при наличии профессоров истории искусства, по мнению Жебелева, отпадает надобность в профессорах по археологии: искусствоведы, каждый в меру своей компетенции, могли бы вести соответствующие разделы археологии, трактуемой Жебелевым в 1917 г. все еще в категориях предшествующей эпохи.

Очевидно, что дискуссия о постановке преподавания истории искусства и археологии в высшей школе в 1917–1919 гг. была в самом разгаре, и следующим шагом в ней наряду с созданием кафедр истории искусства стало формирование в 1922 г. археологического отделения на историческом отделении факультета общественных наук Петроградского университета, которое и возглавлял Жебелев (в МГУ кафедра археологии была открыта только в 1939 г.). Можно считать, что именно с 1922 г. был установлен баланс между историей искусства и археологией как образовательными дисциплинами (подробнее об этом см.: [Тихонов, 2003]).

Некоторые положения письма Жебелева сохраняют свою актуальность и в настоящее время. Так, он указывает, что доисторическая археология должна быть отнесена к ведению кафедры этнографии. Именно такое положение вещей и сохраняется в настоящее время: историю первобытного общества, реконструируемую прежде всего на основе данных археологии, преподают в курсе этнографии.

В своем письме Ракинту Жебелев затрагивает серьезнейший вопрос, неизбежно встающий при запуске того или иного образовательного процесса: наличие или отсутствие преподавательского состава, подготовленного соответствующим образом. Преподавание истории искусства, отдельное от курса всеобщей ис-

тории, находилось в определенном тупике: нужно было готовить преподавательский состав, а готовить его было некому, так как сама история искусства — дисциплина в университетском плане совсем молодая. Жебелев предлагает ждать — оставить «пустое место», пока не будет подготовлено новое поколение преподавателей. Вероятно, именно по причине отсутствия преподавателей Жебелев не видел необходимости в создании особого отделения истории искусства на историко-филологическом факультете.

Записка В. Я. Курбатова «О преподавании истории искусства в высших технических учебных заведениях» затрагивает другой важный вопрос — инструментализацию искусства в целях повышения эстетических стандартов повседневной жизни. Впервые поставленная во второй половине XIX в. представителями немецкого Движения за эстетическое воспитание и английской Южно-Кенсингтонской школой в условиях индустриализации и начала активного развития промышленного производства, вытеснявшего кустарные промыслы и грозившего наводнить рынок ширпотребом, эта задача стала воплощением характерной для викторианской эпохи идеи взаимосвязи прогресса в областях эстетической и социальной. Революционная ситуация 1917 г. способствовала попыткам внедрения этой идеи на русской почве.

Курбатов как химик-практик и историк Петербурга был весьма озабочен сохранением старого и формированием нового облика города. В записке он указывает, что основными творцами новой эстетики как в окружающем городском пространстве, так и в быту являются инженеры различных специальностей. Цель его деятельности — общественной, исследовательской, преподавательской — «внесение красоты в обыденную жизнь». Он считает необходимым ввести факультативный курс эстетики в учебные планы технических вузов. «По достижении красоты обыденной жизни можно думать о достижении уровня искусства великих эпох» — в этом состоит задача Курбатова как реформатора высшего образования. В 1917 г. многое казалось легко осуществимым: формирование нового облика обыденной жизни на основе лучших образцов прошлого — такой видел задачу инженеров В. Я. Курбатов.

**С. А. Жебелев —
В. Н. Ракинту**
*ЦГАЛИ СПб.
Ф. 82. Оп. 1. Д. 8.
Л. 15–15 а об.*

[15] Многоуважаемый Владимир Николаевич, на выраженное Вами желание высказаться о желательной постановке кафедры истории искусств в университетах обязан заявить следующее:

Ценность преподавания той или иной дисциплины зависит, конечно, прежде всего, от свойств (научных и педагогических¹⁹) преподавателя, далее — от степени подготовленности учащихся-

¹⁹ Вписано между строк.

ся, наконец — от имеющихся в наличии вспомогательных средств для преподавания. С этих трех точек зрения я и попытаюсь осветить поставленный Вами вопрос.

Принимая во внимание, что история искусств — дисциплина сравнительно молодая в наших университетах, что, в течение долгого времени, дисциплина эта преподавалась довольно однобоко и состояла лишь из одного отдела истории искусства — искусства классического, что лишь в недавнее время в университетах стали преподавать историю искусства средневекового и нового и лишь в самое последнее время сюда присоединилась история искусства новейшего и русского, я полагаю, что в ближайшее время обставить вполне научно преподавание *всей* истории искусства в наших университетах вряд ли удастся за недостатком научноподготовленных для того лиц. Преподавать же в университете тот или иной отдел истории искусства «любительски» представляется мне не только бесполезным, но прямо-таки вредным. Лучше пускай будет пустое место, чем всякого рода «любительские» разглагольствования. Поэтому мне представлялось бы на первых порах вполне достаточным, если бы кафедра истории искусств обслуживалась тремя преподавателями: двумя профессорами и [15 об.] одним доцентом, к которым, естественно, желательным дополнением будут служить приват-доценты в неограниченном, конечно, числе. Какие отделы истории искусства будут поделены между тремя штатными преподавателями, представляется, в сущности, безразличным: все будет зависеть от тех лиц, которые будут занимать штатные должности. Представлялось бы, однако, целесообразным, чтобы один из профессоров вел преподавание по отделу истории древнего искусства, а другой — по истории искусства западного средневековья, или по истории византийского и русского искусства, или по истории нового искусства, или даже по истории искусства новейшего. То же и по отношению к штатному доценту. Отделы, не представленные штатными преподавателями, оказались бы в таком случае предоставленными приват-доцентам.

Для преподавания археологии, тесно связанной с историей искусства, наличия особого профессора мне не представляется необходимым. При достаточном количестве преподавателей по истории искусства, каждый из них мог бы уделять, постоянно или периодически, время и на преподавание соответствующего отдела археологии.

Особого профессора для истории русского искусства, по моему мнению, не надо. Преподавание истории искусства русского так тесно связано с преподаванием искусства византийского, с одной стороны, западноевропейского, с другой, что вряд ли есть необходимость поручать преподавание истории русского искусства *особому штатному* преподавателю. Я бы даже и рус-

скую-то историю не выделял в особую кафедру, а помещал ее в общую рубрику «история». То же и по отношению к истории русской литературы. Если в политике [15 а] я не стою на точке зрения интернационала, то в отношении к науке, должен признаться, я интернационалист, и никогда ни в печати, ни в речах у меня язык не поворачивался писать или говорить о «русской науке». Простите за это отступление, принцип которого вряд ли вызовет особенное сочувствие.

Что касается доисторической археологии, то преподавание ее должно быть приурочено к кафедре этнографии или антропологии или истории, но, во всяком случае, не к кафедре истории искусства.

Преподавание эстетики, если оно вообще нужно в университете, относится, по моему мнению, к сфере философии или физиологии. С историей искусства эстетике делать нечего. В будущем, вероятно, можно будет включить в область истории искусства и т. н. теорию искусства. Но пока это делать еще рано. И избави нас бог от попыток создавать по памятникам искусства модель развития закона истории.

Я был бы против выделения истории искусства в особое отделение факультета. Пока оно будет мертворожденным, с течением времени, вероятно, придется подумать о создании особого отделения. Теперь для истории искусства достаточно будет создать такое же положение, какое в нашем университете у нас создано по отношению к философии. Отдельного философского разряда у нас нет, а каждый из студентов, специально интересующихся философией, должен примкнуть к одному из четырех основных отделений факультета. Да я и не мыслю себе, как это историк искусства обойдется без истории вообще, истории литературы, а историк классического искусства без классической филологии сверх того.

О степени подготовленности слушателей говорить мне не приходится, [15 а об.] она в настоящее время плоха, а когда станет лучше — не моего ума дела. Вряд ли скоро! Принципиально я против установления в средней школе особого предмета в виде истории искусства. Там нужно знакомить учащихся только с памятниками искусства и притом учеников *учить смотреть* на эти памятники. А это легче сделать попутно при преподавании других гуманитарных предметов, при посещении музеев, при осмотре городских достопримечательностей и т. п.

Ясное дело, что преподавание истории искусства в университетах должно быть обставлено всевозможными пособиями: слепками, копиями, моделями, эпидиаскопами, альбомами, книгами и т. д. и т. д. Много денег будет, всего этого легко достигнуть. Мало денег будет, придется по одежке протягивать ножки.

Ясно также и то, что теоретическое преподавание истории искусства должно сопровождаться разнообразными практиче-

скими занятиями. Быть может, с простеньких практических занятий и следовало бы начинать в университете преподавание истории искусства, а затем уже читать всякого рода систематические и иные курсы. Но это зависит от индивидуальности преподающего.

Вот и все, что мне хотелось Вам сказать по интересующему Вас вопросу. Не сетуйте, если написал *non multum, sed multa*²⁰ — писал только в короткие промежутки между всякого рода заседаниями и комиссиями, от обилия которых скоро, кажется, придется погибнуть.

Преданный Вам С. Жебелев

[22] О преподавании истории искусства в высших технических учебных заведениях

[В. Я. Курбатов]

ЦГАЛИ СПб. Ф. 82.

Оп. 1. Д. 8. Л. 22–31

К высшим техническим учебным заведениям относятся все, дающие дипломы на звание инженера. Их можно подразделить на три основных группы:

- а) инженеров-строителей
- б) инженеров-техников
- г) инженеров-агрономов.

Определенных границ вообще не имеется между этими группами, а в России очень часто наблюдается, что инженеры работают [23] совсем не по специальности, а все специальные учебные заведения дают полные права строительных работ. Это право широко использовано не только в провинции, но и в столице при постройках вокзалов, рынков и т.п. зданий чисто утилитарного характера. Совершенно очевидно, что с появлением этих безобразных сооружений необходимо бороться, прежде всего, внесением в среду будущих инженеров-строителей эстетических начал.

С другой стороны, инженеры-техники, т.е. заведующие массовым производством предметов или заведующие [24] окраской и украшением изготовленных предметов, как инженеры-химики на ситценабивочных фабриках или керамических заводах, являются распорядителями в деле художественности предметов обихода. Иначе говоря, все искусство, предназначенное для небогатых, т.е. эстетическая сторона общественных построек и красивое выполнение предметов обихода, неразрывно связано с деятельностью инженера.

Было бы в высшей степени неправильно думать, что влияние художников, художественных школ, выставок [25] и музеев мо-

²⁰ Жебелев изменил строй фразы *non multa, sed multum* (лат.) — многое не по количеству, а по значению. В его варианте — «многое количеством, но не значением».

жет внести красоту в обыденную жизнь, пока предметы обихода изготавливаются с полным пренебрежением к красоте их. Между тем, только по достижении красоты обыденной жизни можно думать о достижении уровня искусства великих эпох.

Таким образом, введение курса, способствующего усвоению и пониманию красоты, в программы высших технических учебных заведений совершенно необходимо. Однако этот курс должен быть необязательным, так как 1) он не вытекает из прямых [26] требований, предъявляемых к оканчивающему учебное заведение, 2) совершенно необходимо, чтобы изучение было исключительно добровольным и 3) необходим по существу курс понимания художественных «произведений», т. е. эстетики, но эти курсы далеко еще не выработаны. Придется читать курс истории искусства, а экзамен по этому предмету легко мог бы обратиться в формальное запоминание хронологии и особенностей стилей, что могло бы оказаться более вредным, чем полезным.

Размеры курсов [27] определяются будущей деятельностью инженеров данного училища и указанными выше положениями.

Необходимо иметь в виду, что всякие теоретические положения являются, безусловно, вредными там, где формы нужно создавать заново. Поэтому необходимо знакомить преимущественно с эпохами полной свободы искусства, т. е. эпохами барокко, и избегать теоретических определений формы, т. е. канонов.

Таким образом, инженерам, которым придется иметь дело только с современной [28] фабричной промышленностью, необходимо прочесть основной курс, посвященный эпохам расцвета свободного искусства:

- 1) французская готика и ее становление в других странах.
- 2) Итальянский ренессанс.
- 3) Французский ренессанс.
- 4) Итальянское барокко.

5) Французское искусство второй половины XVII и всего XVIII и XIX века.

Остальные эпохи школы европейского искусства изучаются лишь кратко.

На этот курс следует положить 2 часа годовых. [29] Следующий год следует читать курс русского искусства также 2 часа годовых. При этом

1/3 курса посвящается античному, византийскому и русскому до 1500 г. искусству.

2/3 курса русскому до современного.

Лектор должен получать за $2 + 2 = 4$ годовых часа + 2 часа годовых практических занятий, которые должны состоять из посещений музеев, экскурсий и помощи студентам во время проектирования и практических работ.

Студенты строительных институтов, путей сообщения [30] и инженерно-строительных институтов сверх этих необязательных курсов, которые там должны быть посвящены по преимуществу чистому искусству, должны слушать обязательные курсы.

1) 2 часа в неделю — курс архитектуры и декорации в западной Европе от готики до конца XVIII в., преимущественно Италии и Франции.

2) 2 часа в неделю — курс архитектуры и декорации в античном мире, Византии и в России.

Кроме этого, преподаватель этого учебного заведения должен [31] иметь 4 часа годовых для практических занятий, т. е. посещений музеев, экскурсий, а главное, указаний при проектировании.

Студенты агрономических отделений, как соприкасающиеся по роду деятельности с народом, должны кроме двух указанных курсов иметь особый обязательный курс русского прикладного искусства и русских кустарных промыслов.

В. Курбатов

1. Ананьев В. Г. (2016) «В России следует подумать государству об искусстве»: министерство искусств в дискуссиях революционной эпохи (1917 г.) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. № 1 (45). С. 173–181; № 2 (46). С. 109–117.
2. Бейер В. (1915) История искусств в общеобразовательной школе // Экскурсионный вестник. № 10. С. 145–150.
3. Бонгард-Левин Г. М. (ред.) (1997) Скифский роман. М.: РОССПЭН.
4. Бурлыкина М. И. (2000) Музеи высших учебных заведений дореволюционной России (1724–1917 гг.). Сыктывкар: Сыктывкарский университет.
5. Векслер А. Ф. (2002) В. Я. Курбатов в Петрограде — Ленинграде // История Петербурга. № 2 (6). С. 3–8.
6. Жебелев С. А. (2007) Археология и общая история искусства // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского (1928–2004). СПб.: Нестор-История. С. 145–174.
7. Жебелев С. А. (1923) Введение в археологию. Ч. 1. История археологического знания. Петроград: Наука и школа.
8. Жебелев С. А., Марр Н. Я. (1919) О реорганизации гуманитарных факультетов Первого петроградского университета в факультет общественных наук. Пг.: [Б. и.].
9. Клейн Л. С. (2007) Из истории научных школ и традиций античной археологии // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского (1928–2004). СПб.: Нестор-История. С. 121–138.
10. Копировский А. М. (2017) Преподавание теории и истории искусства в светских и церковных учебных заведениях России XIX — начала XX в. // Образование и наука. Т. 19. № 3. С. 171–184.
11. Кызласова И. Л. (2018) Академик Никодим Павлович Кондаков: Поиски и свершения. СПб.: Алетейа.
12. Лаппо-Данилевский К. Ю. (2002) Шевырев и Винкельман (статья первая) // Русская литература. № 2. С. 3–27.

Литература

13. Мальцева А. А., Пивоварова Н. В. (2005) К истории собрания копий фресок Государственного Русского музея // Страницы истории отечественного искусства XVI–XXI вв. Вып. XI. С. 33–51.
14. Платонова Н. И. (2010) История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-История.
15. Российский институт истории искусств (2012) Краткий отчет от деятельности Российского института истории искусств // А. Ф. Некрылова (ред.) Задачи и методы изучения искусств. СПб.: РИИИ. С. 187–247.
16. Тихонов И. Л. (2003) Археология в Санкт-Петербургском государственном университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Art History and Archeology in the Educational Space of Revolutionary Russia: Two Unknown Projects of 1917

Vitaliy Ananiev

Senior Lecturer, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University. Address: 1199034, Saint-Petersburg, Mendeleev line, 5. E-mail: v.ananev@spbu.ru.

Authors

Mikhail Bukharin

D.Litt., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Address: 119334 Moscow, Leninski prosp., 32a. E-mail: michabuha@gmail.com

A discussion on the reform of higher education in humanities in Russia in the spring of 1917 is analyzed. At the center of this discussion, questions regarding the organization of the teaching of general history of arts and archeology at Petrograd University and in technical colleges are considered. This discussion reflected the long process of delimitation of a number of disciplines (classical philology, history of art, archeology) and the formation of their own research and teaching field. Two earlier unknown documents are published: a letter from S. A. Zhebelev to V. N. Rakint, the Scientific Secretary of the Institute of History of Arts, and a note by V. Ya. Kurbatov "About teaching of the history of art in the higher technical educational institutions" from the funds of the Central State Archive of Literature and Arts. These documents expand our ideas of the history of the reforming of the higher school in 1917–1922, and the final delimitation of history of arts and archeology not only as academic disciplines, but also as educational directions. Zhebelev's letter and Kurbatov's note characterize the atmosphere in the Russian pedagogical environment of 1917–1922, when large-scale and effective reforms of the higher school were possible. It is obvious that some of the ideas stated during the given discussion and realized during the formation of the faculty of social sciences of Petrograd University are relevant today as well: curricula, training of teaching staff, emphasis on practical use of theoretical knowledge, and a polydisciplinary approach in the educational process.

Abstract

teaching, higher school, archeology, history of arts, curriculum, educational discussion.

Keywords

Ananiev V. (2016) "V Rossii sleduet podumat gosudarstvu ob iskusstve": miniterstvo iskusstv v diskussiyakh revolyutsionnoi pory (1917) ["In Russia One Needs to Think about the Arts": Ministry of Arts in the Discussions of Revolution Period (1917)]. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*, no 1 (45), pp. 173–181; no 2 (46), pp. 109–117.

Beyer V. (1915) *Istoriya iskusstv v obshcheobrazovatel'noy shkole* [History of Arts in Secondary School]. *Ekskursionny vestnik*, no 10, pp. 145–150.

Bongard-Levin G. (ed.) (1997) *Skifskiy roman* [Scythian Novel]. Moscow: ROSSPEN.

Burlykina M. (2000) *Muzei vysshikh uchebnykh zavedenij dorevol'yutsionnoy Rossii (1724–1917 gody)* [The Museums of Higher Education Institutions in Prerevolutionary Russia (1724–1917 years)]. Syktyvkar: Syktyvkar university.

Kleyn L. (2007) *Iz istorii nauchnykh shkol i traditsiy antichnoy arkheologii* [From the History of Scientific Schools and Traditions of Classical Archaeology] *EYXAPIΣTHPION. Antikovedchesko-istoriograficheskiy sbornik pamyati Yaroslava Vitalyevicha Domanskogo (1928–2004)* [EYXAPIΣTHPION. Papers in

References

- Classical Studies and Historiography in Memory of Yaroslav Vitalyevich Domanskiy (1928–2004)], Saint-Petersburg: Nestor-Istoria, pp. 121–138.
- Kopirovskiy A. (2017) Prepodavanie teorii i istorii iskusstv v svetsikh i tserkovnykh uchebnykh zavedeniyakh Rossii XIX—nachala XX veka [Teaching of the Theory and History of Arts in the Secular and Church Institutions of Russia of the XIX—Beginning of the XX Centuries]. *The Education and Science Journal*, vol. 19, no 3, pp. 171–184.
- Kyzlasova I. (2018) *Akademik Nikodim Pavlovich Kondakov: poiski i sversheniya* [Academician Nikodim Pavlovich Kondakov: Searches and Achievements], Saint-Petersburg: Aleteia.
- Lappo-Danilevskij K. (2002) Shevyrev i Vinkelman [Shevyrev and Winkelman]. *Russkaya literatura*, no 2, pp. 3–27.
- Maltseva A., Pivovarova N. (2005) K istorii sobraniya kopiy fresok Gosudarstvennogo Russkogo muzeya [Towards the History of Collections of Frescoes of the State Russian Museum]. *Stranitsy istorii otechestvennogo iskusstva XVI–XXI veka* [Pages of the History of Russian Art of XVI–XXI Centuries], vol. XI, pp. 33–51.
- Platonova N. (2010) *Istoria arkheologicheskoy mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX—pervaya tret XX veka* [History of Archaeological Thought in Russia. Second Half of the XIX—First Third of the XX Centuries]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoria.
- Russian Institute of Art History (2012) *Kratkij otchet ot deyatelnosti Rossijskogo Instituta Istorii Iskusstv* [Brief Report on the Activity of Russian Institute of Art History]. *Zadachi i metody izucheniya iskusstv* [Aims and Methods of Study of Arts] (ed. A. Nekrylova), Saint-Petersburg: Russian Institute of Art History, pp. 187–247.
- Tikhonov I. (2003) *Arkheologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. Istoriograficheskie ocherki* [Archaeology in the Saint-Petersburg State University. Historiographical Notes]. Saint-Petersburg: SPb University.
- Veksler A. (2002) V. Ya. Kurbatov v Petrograde—Leningrade [V. Ya. Kurbatov in Petrograd—Leningrad]. *Istoriya Peterburga*, no 2 (6), pp. 3–8.
- Zhebelev S. (2007) Arkheologia i obshchaya istoria iskusstv [Archaeology and General History of Arts]. *EYXAPIΣTHPION. Antikovedchesko-istoriograficheskiy sbornik pamyati Yaroslava Vitalyevicha Domanskogo (1928–2004)* [EYXAPIΣTHPION. Papers in Classical Studies and Historiography in Memory of Yaroslav Vitalyevich Domanskiy (1928–2004)], Saint-Petersburg: Nestor-Istoria, pp. 145–174.
- Zhebelev S. (1923) *Vvedeniye v arkheologiyu. Chast 1. Istoria arkheologicheskogo znaniya* [Introduction into Archaeology. Part 1. History of Archaeological Knowledge]. Petrograd: Science and School.
- Zhebelev S., Marr N. (1919) *O reorganizatsii gumanitarnykh fakultetov Pervogo petrogradskogo universiteta v fakultet obshchestvennykh nauk* [On the Reorganization of the Faculties of Human Sciences of the First Petrograd University into the Faculty of Social Sciences]. Petrograd.